

АФРО-РУССКАЯ СЕМЬЯ В ВОДОВОРОТЕ КОНФЛИКТА. ИСПОВЕДЬ СООТЕЧЕСТВЕННИЦЫ

© 2018 Н. КРЫЛОВА

DOI: 10.31857/S032150750000101-3

Статья основана на воспоминаниях русской женщины - жены конголезского офицера, получившего образование в СССР, о внутривнутриполитических событиях в Народной Республике Конго второй половины 1970-х гг. Ее муж был сподвижником Мариана Нгуаби, в то время президента страны, чья биография наполнена мудрыми решениями и стратегическими ошибками, характерными для карьеры политического лидера молодой независимой африканской страны. Это - рассказ «от первого лица», поскольку наша соотечественница невольно явилась не только их непосредственной свидетельницей, но и жертвой политического конфликта.

Ключевые слова: соотечественники, политический конфликт, социалистическая ориентация, армия, этноплеменные связи, государственный переворот, политический процесс

AFRICAN-RUSSIAN FAMILY IN THE MAELSTROM OF CONFLICT. CONFESSION OF A COUNTRYMAN

Natalia L. KRYLOVA, Dr.Sc. (History), Professor, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (krylovanl@yandex.ru)

Modern Africa is often referred to as a «conflict continent», a «conflict territory». More than half of all armed conflicts in the world occur on this continent, which has provided it with a reputation as the most conflict region of the planet. Here, peace and war go side by side. One of the reasons for the emergence and complexity of conflict resolution is the psychological factor, since African society has formed a specific stereotype of lifestyle in which the military sphere of activity, participation in armed actions, various wars and conflicts turns into a way of existence and habitat. Moving to permanent residence in Africa in the second half of the twentieth century, our women, without knowing it, are in the zone of increased conflict. The half-century - long history of Russian women living permanently with their husbands in the African continent is filled with stories, dramatic conflicts and tragic cases involving vulnerability to insecurity - real and legal - of the woman herself and her children, both at the time of hostilities and at a time of aggravation of the domestic political situation in the country of permanent residence.

The article is based on the memoirs of a Russian woman - wife of a Congolese officer, who was educated in the USSR, about the internal political events in the People's Republic of the Congo in the second half of the 1970s. Her husband was an associate of Marian Nguabi, at that time President of the country, whose bright but short (he had not lived forty years) biography is full of ups and downs, victories and failures, wise decisions and strategic errors typical for the political career of the leader of the young independent African countries. This is the story «in the first person», because our countryman unwittingly was their not only a direct witness, but also a victim of a political conflict.

Keywords: political conflict, compatriots, «mixed marriage», socialist orientation, army, ethno-tribal ties, coup d'état, political process

Представленные ниже фрагменты интервью автора с одной из соотечественниц, посвящены теме войны. Конечно, они не лишены субъективного взгляда на описываемые ею события: трудно ожидать научно обоснованной оценки от обычной женщины, оказавшейся в экстремальных условиях «чужой» войны, в которой не последнюю роль играл ее муж.

В то же время описание военной повседневности, событий, непосредственной свидетельницей и даже участницей которых она оказалась, эмоциональный рассказ о пережитом ею самой и близкими, попавшими в эпицентр конфликта, «от первого лица», подчас становится более красноречивым и убедительным, чем правительственные декларации или научные доказательства.

* * *

Приехав с мужем в Конго осенью 1976 г., Евгения (так зовут нашу информантку) уже год спустя оказалась в самом центре политического конфликта, связанного со сменой государственной власти в стране. Евгения - коренная одесситка из семьи, где главным принципом жизни был девиз - «Пользоваться жизнью, отдыхать и умственно по-

КРЫЛОВА Наталия Леонидовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Африки РАН. РФ, 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1 (krylovanl@yandex.ru)

стоянно развиваться и совершенствоваться»...

«Немного о себе. Я поучилась немного в Школе Столярского, потом пела, занималась в художественной школе - в общем, всего понемножку... Закончила школу и поступила в одесский педагогический институт. Я не завершила образования и уехала в Африку к концу второго курса».

Муж Евгений, получивший военное образование в СССР, был сподвижником Мариана Нгуаби, в то время президента страны, чья яркая, но короткая (он не прожил и 40 лет) биография изобиловала взлетами и падениями, победами и поражениями, мудрыми решениями и стратегическими ошибками, столь характерными для карьеры политического лидера молодой независимой африканской страны.

Не намереваясь проводить всесторонний политологический анализ становления и развития однопартийного политического режима «социалистической ориентации» в Республике Конго второй половины прошлого века, все же отметим, что, по мнению исследователей, развитие стран Тропической Африки в 1960-1990 гг. убедительно показывает исключительно важную самостоятельную роль армии в сфере социально-экономических и политических преобразований [1; 2].

Африканские армии политизируются и нередко становятся определяющей силой в жизни своих государств. Выход военных на политическую сцену часто обусловлен кризисом социально-политических структур, внутривластной нестабильностью.

Военные, совершавшие государственные перевороты, как правило, не являются инструментом в руках тех или иных социально-политических сил. Приходя к власти, они выдвигают примерно одинаковые лозунги: укрепление национальной независимости, ускоренное экономическое и культурное развитие, оздоровление общественной жизни (в частности, борьба с коррупцией). При этом армия в лице ее офицерского корпуса постепенно сама превращается в господствующую социально-политическую силу [3]. Этот тезис как нельзя более выразительно иллюстрирует политическая биография Мариана Нгуаби.

Профессиональный военный, получивший образование в престижных военных учебных заведениях Конго и Франции, считавший себя марксистом, сторонник социалистического пути развития Конго, воспользовавшись противоречиями и борьбой за власть внутри правящей в те годы партии Национального революционного движения, Мариан Нгуаби летом 1968 г. вместе с группой левых армейских офицеров осуществил государственный переворот, захватив власть и свергнув тогдашнего президента Республики Конго Альфонса Массамба-Деба. Нгуаби возглавил государство и через два года после переворота поставил его политику и экономику на рельсы «социалистической ориентации».

Новый орган - Национальный совет революции, взявший власть в свои руки, сразу начал подготовку условий для создания «авангардной рево-

люционной партии», которая была учреждена в 1969 г. и получила название Конголезской партии труда (КПТ). Тогда же решением Национального совета революции майор Мариан Нгуаби был назначен главой государства. Одновременно он занимал посты министра обороны и государственной безопасности, являлся главнокомандующим конголезской армии.

В 1970 г. была принята новая конституция, утвердившая руководящую роль КПТ в управлении государством. Она стала первой на Африканском континенте правящей революционно-демократической партией, якобы руководствовавшейся в своей политико-идеологической деятельности «марксистской идеологией». Мариан Нгуаби стал председателем Центрального комитета КПТ и одновременно главой правительства и государства, которое называлось теперь Народной Республикой Конго.

Нгуаби, будучи другом мужа Евгении, с которым они (правда, в разные годы) учились в одном учебном заведении - военной школе Леклерка, назначил его по возвращении из СССР одним из начальников своей личной охраны. Однако их объединяла не только профессия военного. Оба в те годы относили себя к сторонникам марксизма.

Второе десятилетие развития государства «по социалистическому пути» проходило в атмосфере авторитарности однопартийного режима и господства КПТ. К 1975 г. страна все более погружалась в социально-экономический кризис [4]. Во многом непоследовательная политика М.Нгуаби (ему приходилось бороться на два фронта: выступать против «иностранный империализма», прежде всего, в лице Франции, и защищать власть внутри страны) разрушала внутреннюю консолидацию режима, что неизбежно привело к массовым репрессиям, расстрелам, чисткам государственного аппарата.

На пленуме ЦК КПТ в декабре 1975 г. президент объявил курс на «радикализацию революции», требуя от партийного руководства «сплоченности и динамизма» [5]. Все эти меры в условиях экономического кризиса середины 1970-х гг. лишь увеличили раскол между партийной верхушкой и обществом.

Установленный Марианом Нгуаби военно-бюрократический режим носил особый этнорегионалистский характер: среди офицеров и гражданской администрации доминировали выходцы из этнических групп Севера страны. Монополизация представителями Севера государственных органов власти привела к глубоким межэтническим противоречиям, создала еще большую социальную напряженность в определенной части общества.

Для благоприятного развития событий он даже пошел на компромисс с бывшим президентом А.Массамба-Деба, предложив ему разделить власть. Но это лишь вызвало резкое недовольство северян [6]. На Массамба-Деба было совершено покушение (такова цена противостояния полити-

ческих элит страны, использовавших в своей борьбе этно-региональный фактор). А в марте 1977 г. Мариан Нгуаби был убит группой военных в здании Генштаба в Браззавиле.

Власть взял Военный комитет КПТ во главе с полковником Ж.Йомби-Опанго. Зимой 1978 г. Чрезвычайный революционный суд провел процесс над 42 «виновниками убийства» Нгуаби. Несколько человек из них были приговорены к расстрелу, остальные (в т.ч. муж Евгении) - к различным срокам тюремного заключения. В апреле того же года полковник Йомби-Опанго стал президентом страны.

Такова хроника событий, кардинально изменившая жизнь семьи Евгении.

Ниже она подробно рассказывает обо всех этих событиях в Конго второй половины 70-х гг. прошлого века*.

* * *

1976 год. «Одесса - город, где много иностранцев. Мой будущий муж учился в одесском военном училище. Сам президент Мариан Нгуаби направил его на учебу, подписал необходимые документы. Они с мужем друзья, хотя Нгуаби был старше. Тогда это было очень важно - поехать учиться в СССР. В Одессе мы и познакомились... Когда осенью 1976 года я приехала в Конго, там уже были русские женщины, вышедшие замуж за конголезцев. Это были женщины из Белоруссии, Узбекистана и Азербайджана. Тогда, 40 лет назад, афро-русские браки были редкостью, но все они были удачными. Практически все конголезцы - выпускники наших вузов - устраивались на работу. Гражданским было сложнее, военным - легче. Потому что власть была военная. Работу я получила немедленно. Мне нашли место преподавателя в лицее. Тогда русский язык в Конго был очень распространен, многие уезжали в СССР, и мы успевали сделать очень много в плане их подготовки.

Возможно, по своей сути и по типу я - подруга революционера. То есть мне по духу ближе всего мужчины и женщины идейные, и дружеское плечо и участие для меня важнее, чем какие-то чувства... Познакомил ли муж меня со своими идеями, деятельностью и планами, зарядил ли меня всем этим? Конечно, но постепенно. Но то, что это стало одной из важных составляющих моего чувства к нему - несомненно. Хотя военный человек - он так далек был от моего воспитания! И от моей логики жизни. Но, несмотря на это ... говорят, противоположности сходятся...».

Рассказывая о семье мужа, Евгения, прежде всего, отмечает, что он стал военным, потому что это - семейная традиция. Отец служил во французской армии, воевал за Францию, и от Шарля де Голля имел награды, получал пенсию. «И даже

после завоевания независимости он хотел остаться французом...»

Мой муж очень рано оставил дом, с 12 лет он учился в кадетской школе генерала Леклерка. Там училась местная элита. О школьных годах у него остались самые лучшие воспоминания, потому что французы были очень толерантны.

Муж принадлежит к народности *мбити* в Конго, большая часть которых - в Габоне. В принципе, они северные... Друг мужа - офицер, с которым он учился, - был с юга, и он, да и мой муж, говорил (и я это видела), что в те годы никто не спрашивал, откуда ты, не было такого разделения. Абсолютно не было распрей.

Когда Нгуаби пришел к власти, племенные родственные отношения начали играть роль и в политике. Пришла власть людей с Севера. Нгуаби тогда окружала молодежь идейная, которая стремилась к чему-то, какие-то были идеи. Мой муж был одним из самых молодых его сторонников.

Африка всегда живет в ожидании каких-то перемен, которые могут наступить в любой момент и неожиданно. Но для нас все же это произошло достаточно неожиданно... Муж вообще - человек очень идейный, не пользовался благами, которые предоставляло ему его положение, а я никогда не настаивала. Мы просто получали зарплату, он не покупал себе ничего особенного и шикарного... Муж снимал дом, потом нам дали маленькое студия в военном лагере: как семья военного, мы должны были жить в лагере. В этом лагере был батальон в 400-500 человек, охрана президента. И все свое время мой муж находился там, что в итоге оказалось к лучшему... В конце концов, получилось так, что мы оказались в доме в центре города».

1977 год. «Мужа не оказалось рядом с Нгуаби, когда того убили: намечались большие спортивные соревнования, парад ... Я помню, что он пришел в сопровождении своего солдата, отдал мне золотые часы - подарок моей мамы - и сказал: «Меня не будет, ты не волнуйся». Вскоре после этого в городе началась стрельба, и все узнали, что президент погиб.

Сразу был введен комендантский час, по городу нельзя было ходить. Тогда же началась большая чистка: люди, пришедшие к власти, хотели свести счеты со сторонниками убитого президента**. Муж вернулся в свой лагерь, сказав, что будет его защищать. Я осталась одна. Родители мужа приходили, но в квартире я жила одна. Благо, меня охраняли солдаты мужа, поэтому было более или менее спокойно...»

Потом мне принесли повестку в суд. Первым делом думая о том, что я советская гражданка, пошла в посольство. В советском посольстве мне сказали: нет-нет, вы сюда не приходите, в общем, мы вас не знаем, вы нас не знаете... Понимаете?

* Далее цитируются фрагменты интервью автора с Евгенией О. Париж, апрель 2011 г.

** 18 марта 1977 г. Нгуаби посетил Университет Браззавиля, затем отправился в Генштаб. Там его ожидали несколько бойцов конголезского спецназа во главе с капитаном Бартеlemi Кикадиди. Мариан Нгуаби был убит несколькими выстрелами в голову.

Словом, отказались от меня... Вот такая сложная была ситуация...

Каким-то образом мне попала инструкция по поведению русских в Конго: не разговаривать с конголезцем, который говорит по-русски, то не делать, туда не выходить и прочее. Конечно, не хотелось ставить людей в глупое положение.. Меня французы и конголезцы спрашивали, а мне было стыдно объяснить, что мне с ними нельзя разговаривать...

А наша действительная дружба? Мы дружили с военным атташе, я о нем всегда с теплотой говорю... такой симпатяга, несмотря на функции, которые он должен был выполнять. Он беспокоился обо мне, говорил: «Женя, будь осторожна...», предлагал меня спрятать. Рисковал, конечно... А наша политика? Мы были совершенно чужими для Родины людьми...

Итак, для конголезских властей я была советская, а для СССР - в общем-то, чужая. Но меня спасло все-таки, что конголезцы считали меня советской, пусть и «мифологической». Это горько, конечно, но это мне спасло жизнь! Все это было в 1977 году, всего лишь через год после моего приезда в Конго...

Вместе с тем, я видела со стороны народа такую поддержку! Я этого никогда не забуду, буду думать об Африке и ее народе с такой вот щемящей любовью. Потому что за эти два года, когда все это происходило, никто с меня не взял ни копейки, ни на базаре, ни в магазине. Я шла по улице, и со мной говорили чужие люди, не те, с которыми мы шли шампанское на приемах, а совершенно чужие, простые люди, которых я совершенно не знала, и не буду знать.

Они подходили на улице, говорили - вот, наша бедная девочка, давали мне, кто сколько мог - кто 100 франков, и женщины давали мне папайю, овощи... То есть я видела любовь со стороны простых людей, которую я не увидела бы, наверное, в другом обществе. Это правда. Большое чувство благодарности к ним у меня было. Очень многие заступались за моего мужа и его сторонников, говорили, если их убьют, будет гражданская война...

Мужа расстрелять побоялись. Вот это народное мнение, я думаю, его спасло... Но были и другие...»

* * *

В свое время Мариан Нгуаби, еще будучи рядовым офицером, выступал с открытой критикой Закона 1966 г. о политизации вооруженных сил (превращение их в Национальную народную армию и расширение полномочий пропрезидентских милицейских формирований - Молодежного движения НРК и Гражданской обороны). С его приходом к власти мобилизация широких масс продолжала осуществляться в рамках массовых общественных организаций, контролируемых теперь КПТ. В 1969 г. в ее недрах рождается новая молодежная организация - Союз конголезской социалистической молодежи, сформированная, как и сама партия, на базе марксистской идеологии.

Как молодежное крыло партии, Союз в лице отрядов народной милиции должен был проводить на местах работу по искоренению межплеменной розни и коррупции, активизировать борьбу за укрепление правопорядка [7; 8].

Постепенно Союз превращается в плохо контролируемую структуру, наделенную в то же время широкими общественными полномочиями. Появилось ощущение вседозволенности, которая позволяла некоторым представителям отрядов милиции на местах нарушать права и свободы граждан, использовать данную им власть в личных, частных интересах.

Евгений пришлось столкнуться с этим явлением на личном опыте.

«Я работала в лицее, и, конечно, у нас было что-то типа комсомольской организации. Их руководители могли прийти в любое время и помешать занятиям, начать выяснять отношения, кто был на собрании, а кто нет. Из этой молодежи затем формировалась народная милиция. Все они были вооружены до зубов. Но, по Чехову, если ружье висит на стене, оно должно выстрелить... Часто бывало, что стреляло оно неизвестно куда и неизвестно как. Бывало много случаев, когда попросту сводились личные счеты.

Помню, что на уроке поставила одному молодому деятелю (я очень хорошо его запомнила. Это он поднимал каждое утро конголезский флаг, когда все стояли на линейке) плохую оценку, потому что он вообще не приходил на занятия. Со мной разговаривал директор лицея, настаивал, чтобы оценку ему я исправила, «потому что он хороший...». Я все же настояла на своем и сказала, что лучшей оценки он не получит...

Как-то я ехала на такси, а этот Доминик милицействовал на дороге. Он остановил такси, меня вытащил и попросту хотел пристрелить, начал вспоминать, как я ему поставила плохую оценку! Махал передо мной винтовкой, всячески выпендривался, пока шоферу это не надоело, и он меня увез... Я смеюсь сейчас, но, в общем, это было не смешно, это было частью нашей жизни... Ребята эти были плохо контролируемой группой, ими решались, в основном, бытовые вопросы (кто у кого девушку отбил, у кого жена с кем переспала), но с помощью оружия».

* * *

«... В один из дней, когда лагерь более или менее успокоился, пришли за мужем. Это был сложный период. Я очень переживала, видела, как от страха рыдали важные полковники, потому что речь шла именно о жизни и о смерти. Их пытали, это точно знаю, потому что видела «результаты». Хотя муж никогда не рассказывал, что их подвешивали, пытали, весь живот - одна сплошная рана...

Когда его арестовали, расскажу, с чего все началось для меня, - с обыска. У меня он велся несколько раз на день. Все сопровождалось, конечно, угрозами. А сама атмосфера, когда к вам приходят вооруженные до зубов люди, роятся в ва-

ших вещах, фотографиях... Потом проверяют ваши счета, гардероб мужа, ищут какие-то деньги (он же «продался империалистам»). Меня заставляли подписывать бумаги о том, что я знала, что президент будет убит (конечно же, я ничего не подписала)... Потом военные занялись моими учениками, которым я якобы сообщила, что президент будет убит. В общем, полная глупость: прийти на работу и сказать, что президент будет через несколько часов убит! Но они собирали компромат всеми возможными способами.

Судебный процесс продолжался несколько месяцев: необходимо было найти и наказать виновных. Ведь это не могло произойти просто так - убили, и все молчат! Естественно, что надо было найти козлов отпущения.

Генеральный прокурор обладал абсолютной властью, был бог и царь, властвовал, как хотел, представляя обвинение. Адвокат - интересный, умный человек. Он сказал: «Вы понимаете, что это политический процесс, то есть наши решения - это два миллиметра туда, два - обратно, и более ничего!» Но я не боялась, не было такого чувства ужаса, чтобы я могла все бросить и уехать. Наоборот, появилось какое-то чувство товарищества - как я могу оставить своего мужа в такой ситуации?! Его предать, уехать - я даже не мыслила об этом! И я знала, что он не виноват. А если знаешь, что человек не виноват, что человек имеет идеи... Это невозможно! Я ничего не боялась. Я вообще больше боюсь потом. Я начала бояться за своих троих детей...

Меня физически не трогали, боялись подвергать пыткам, но два раза возили в джунгли, на расстрел! Это было, да! В общем, я ехала, не понимая, что происходит, и... приезжала обратно. Думаю, их раздражало, что я не рыдала и спокойно к этому относилась (в какой-то степени...). Но сама была тогда под таким психологическим прессингом!

...Мужа после процесса не выпустили. Сначала ему присудили расстрел, но потом приговор заменили на 20 лет ссылки без каких-либо гражданских прав. Почему?

Мой муж никогда не был трибалистом. Это правда, и я уважаю его за это. Он был военным человеком, человеком идейным, у него был свой кодекс чести, и, как жизнь нам показала, без этого просто нельзя было выжить! Потому что именно его - северное - племя - это люди, которые тогда сказали, что если их (мужа и его соратников) убьют, будет гражданская война. То есть - вы наших не имеете права убивать! И это ему спасло жизнь...»

* * *

«В 1979 году муж вернулся из ссылки, его реабилитировали, но в армию не вернули, а отправили (он все время был у них костью в горле, они не знали, что с ним делать) в министерство спорта. И в 1980 году он приезжал на Олимпийские игры в Москву со своей командой боксеров. Сам он - мастер международного класса по боксу в полутяжелом весе...

А потом, в 1983 году - новая «великая чистка». К мужу пришли его солдаты и сказали, что за ним завтра придут. В общем, его предупредили. К тому времени его единомышленников опять сажали без суда и следствия... Если бы мой муж остался, то его постигла бы та же участь.

Он собрался и уехал в тот же день (у него уже было приглашение из Венсенна в институт физкультуры), взяв нашего старшего сына, еще маленького, а я осталась в Конго еще на год с дочкой. Это уже было преддверие Национальных конференций*, очень беспокойное для всех нас время ...

Получается, что за 9 лет жизни в Конго сама я пережила несколько военных переворотов: 1977-й, 1981-й, 1983-й ... К мужу приехала через год. Так мы все оказались во Франции».

* * *

«Я всегда скучаю по местам, которые покидаю. Я очень была привязана к Одессе, очень по ней скучала. «По Одессе» - это наше типичное выражение. И по Конго скучаю очень...»

* Евгения имеет в виду Национальные конференции как новую форму перехода страны от авторитаризма к демократии, что в те годы стало особенностью не только Конго, но и всей франкоязычной Африки. Эти конференции явились главным событием переходного периода, а в некоторых случаях и обеспечили этот переход (подробнее см.: Политические партии современной Африки. Справочник. М., 1998).

Список литературы / References

1. Стекольщиков В.Я. Народная Республика Конго в борьбе за социалистическую ориентацию. М., 1976. (Stekolchikov V.Y. 1976. People's Republic of the Congo in the struggle for a socialist orientation. M.) (In Russ.)
2. Современные африканские лидеры: Политические портреты. М., 2001. (Contemporary African leaders: Political portraits. M., 2001) (In Russ.)
3. Подробнее см.: Этитиз Ж. Кризис однопартийного режима и становление многопартийной системы в Республике Конго // Автореферат дисс. ... к.полит.н. М., 2004. (Etiquette J. 2004. Crisis of the one-party regime and the formation of a multi-party system in the Republic of Congo // PhD (Political Science) thesis. M.) (In Russ.)
4. Африка: многовариантность развития. М., 1997. (1997. Africa: diversity and development. M.) (In Russ.)
5. Ngouabi M. Vers la construction d'une société socialiste en Afrique. Paris, 1975.
6. Современная Африка: итоги и перспективы развития. Эволюция политических структур. М., 1990. (1990. Modern Africa: results and prospects of development. Evolution of political structures. M.) (In Russ.)
7. Горячев Ю.А., Красильников А.С. Молодежное движение в странах социалистической ориентации Баку, 1982. (Goryachev Yu.A., Krasilnikov A.S. 1982. The Youth movement in the countries of socialist orientation. Baku) (In Russ.)
8. Мошняга В.П. Молодежь в борьбе за мир и социальный прогресс. М., 1981, с. 152-153. (Moshnyaga V.P. 1981. Youth in the struggle for peace and social progress. M.) (In Russ.)